ДЕНИСОВЪ

ВОЙНА И ЛУБОКЪ

ВЛ. ДЕНИСОВЪ

ВОЙНА И ЛУБОКЪ

ПЕТРОГРАДЪ 1916

ВОЙНА И ЛУБОКЪ.

Печ. разр. воен. цнз. 25 марта 1916 г.

Петроградъ.
Типографія Т-ва „Нашъ Вѣкъ“
Малая Подьяческая, с. д. № 12.

ВЛ. ДЕНИСОВЪ

ВОЙНА И ЛУБОКЪ

ИЗДАНІЕ
„НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСѢХЪ“
ПЕТРОГРАДЪ. 1916.

VL. DENISSOV.

LA GUERRE
ET
LES IMAGES POPULAIRES

51 REPRODUCTIONS.

DU MÊME AUTEUR

pour paraître à la suite:

LES PEINTRES ANGLAIS—45 reproductions d'après les tableaux de Hogarth, Reynolds, Gainsborough, Romney, Hoppner, Raeburn, Lawrence, Türner, Constable, Bonington, Whistler, Holman Hunt, Millais, Rossetti, Burne Jones, Watts et les dessins de Beardsley.

MEDITATIONS SUR LA RENAISSANCE DE LA PEINTURE RUSSE.—Nombreuses reproductions d'après les tableaux des écoles russes et étrangères.

LES PEINTRES D'ESPAGNE—50 reproductions d'après les tableaux de Morales, El Greco, Roelas, Zurbaran, Ribera, Velasquez, Murillo, Valdes Leal, Goya etc.

LES VOIES DU PEINTRE—Serie de livraisons consacrées aux oeuvres de peintres russes modernes. Nombreuses reproductions.

EDITION
de „la Nouvelle Revue pour Tous“.
Petrograd. Ertelev, 3.

ПОСВЯЩАЮ

МОЕЙ

ЖЕНѢ-ДРУГУ.

ОБЛОЖКА И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ РАБОТЫ Д. И. МИТРОХИНА.
КЛИШЕ ИСПОЛНЕНЫ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ „УНІОНЪ“. ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ „НАШЪ ВѢКЪ“.

1. „Русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгуновъ". (1759 г.).

ВОЙНА И ЛУБОКЪ.

„.. картинки эти заслуживаютъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, вниманія образованнаго человѣка".

А. Пушкинъ Путевыя замѣтки.

Лишь только раздались на границѣ первые боевые выстрѣлы, сейчасъ же звонкимъ эхомъ отозвались они въ лубкѣ и тысячи, сотни тысячъ ярко расцвѣченныхъ листковъ полетѣли съ печатнаго станка въ глубины Россіи, обгоняя газеты и правительственныя сообщенія. Прежде чѣмъ деревня разобралась, какъ слѣдуетъ, «за что» и съ кѣмъ «погнали народъ воевать», она уже видѣла нѣмца—въ каскѣ, въ синей одежѣ (тогда какъ «своихъ» лубокъ заботливо облекаетъ въ защитный цвѣтъ), съ торчащими прусачьими усами.

Нѣмецъ-солдатъ сразу заслонилъ собою настрявшіе «до чертей» образы нѣмца-управляющаго, нѣмца-заводчика, нѣмца-аптекаря, садовника, колониста *). Все накрылось одной каской, и, сосредоточивъ на этомъ символѣ всю изобрѣтательность рисунка, всю колкость насмѣшки и пылъ негодованія, лубочная картинка не мало способствовала популярности войны въ народѣ.

* * *

Оно и понятно. Печатное слово—газета ли, книга—туго проникаетъ въ малограмотную деревню. Да и то, что дойдетъ, забывается скоро. Гдѣ же удержать какому-нибудь дядѣ Микитѣ всѣ эти факты да цифры,—ихъ и городской то читатель ловитъ лишь однимъ ухомъ и сейчасъ же выпускаетъ въ другое.

Зато тѣмъ больше простора у деревенской околицы всякимъ слухамъ да росказнямъ и ихъ бойкому пріемному сыну—лубку. Лубокъ-простовикъ впитываетъ въ себя эти свѣжія, тутъ же возникающія легенды, воплощаетъ ихъ въ конкретныя графическія формы и возвращаетъ деревнѣ созданные ею или, во всякомъ случаѣ, близкіе ей образы.

И ужъ это не забудется, не изгладится. Въ красномъ углу, подъ иконами, рядомъ съ видомъ Аѳонской горы или Почаевской Лав-

*) Какой репутаціей издавна пользовались нѣмцы у нашего народа, показываетъ одна старинная лубочная картинка, изображающая адъ, гдѣ среди грѣшниковъ, страдающихъ за прелюбодѣяніе, стяжаніе, чревоугодіе и проч. грѣхи, наибольшимъ мученіямъ подвергается тотъ, надъ которымъ значится „за то, что нѣмецъ".

2. „Славное побоище царя Александра Македонскаго съ царемъ Поромъ индійскимъ".

ры да житіемъ Варвары Великомученицы будутъ долго висѣть эти листки—повѣсти о подвигахъ сѣрыхъ героевъ, своихъ героевъ, пока не почернѣютъ отъ избяной копоти, мухъ и тараканов.

Да и потомъ, когда истлѣетъ бумажный листъ, будутъ еще вспоминать: тутъ вотъ висѣлъ Козьма Крючковъ—вихрастый такой, тутъ Миколай Миколаичъ на бѣломъ конѣ, а тамъ взятіе Львова или переходъ черезъ Карпаты.

* * *

Такое мѣсто въ красномъ углу военный лубокъ занимаетъ не случайно. Въ народномъ сознаніи война переживается, какъ міровое, космическое событіе, какъ проявленіе всемогущества Бога, который послалъ войну, такъ же какъ посылаетъ моръ, голодъ, землетрясенія, небесныя знаменія, какъ посылалъ пророковъ и святыхъ творить чудеса, исполнять Его благую волю.

Это — явленія одного порядка. Поражалъ нѣкогда Господь нечестивыхъ каменнымъ дождемъ, теперь за грѣхи караетъ свинцовымъ и чугуннымъ. Пріемли кару Его, какъ пріемлешь милость. И если на одной картинкѣ изъ отверстаго неба, съ облаковъ, струится благодать на святыя мѣста, то отчего же не висѣть рядомъ баталіи, гдѣ облачка разрывовъ шрапнели сѣютъ смерть и гибель на грѣшную землю; тѣмъ болѣе, что облака то—тѣ же самыя, такими же курчавыми завитками и въ такой же расцвѣткѣ, да и горы: что Аѳонъ, что Кавказъ или Карпаты—одно и то же.

* * *

Успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны дали богатую пищу для лубка, и нѣтъ такого событія или подвига, которые не отразились бы въ одномъ, а то и нѣсколькихъ листахъ.

Подвигъ Козьмы Крючкова *), доблесть нашихъ и союзныхъ летчиковъ, отдѣльные эпизоды изъ похода въ Восточную Пруссію, потопленіе непріятельскихъ броненосцевъ, изгнаніе австрійцевъ изъ юго-западнаго края, взятіе Львова, Перемышля, движеніе за Карпаты, угроза Кракову... все это подхватывалось печатнымъ станкомъ и веселой красочной вѣстью разносилось по лицу земли русской.

Глядя, какъ падаетъ врагъ подъ ударами нашихъ солдатъ, какъ бѣгутъ его полчища отъ лихой атаки казаковъ, все больше проникалась деревня (да одна ли она!) увѣренностью въ скорой побѣдѣ. И чѣмъ болѣе близкимъ казалось сокрушеніе врага, тѣмъ смѣлѣе и заносистѣе становился лубокъ. Ужъ онъ началъ высмѣивать трусость и слабость противнника, приписывать ему глупость, потѣшаться надъ «Кайзеромъ» и «Францемъ», добирался уже до Берлина, до Царьграда...

Казалось и удержу нѣтъ,—что ни день, выходило нѣсколько штукъ: свыше тысячи нумеровъ было выпущено лубочными издателями, а вѣдь иные выпуски достигали сотни тысячъ экземпляровъ.

Но какъ только началось обратное движеніе изъ Галиціи, остепенился лубокъ, а потомъ и вовсе замолкъ. Теперь многое

*) Повторенъ по меньшей мѣрѣ въ 10 варіантахъ.

3. „Бой Еруслана Лазаревича съ морскимъ змѣемъ“.

4. „Аника Воинъ и смерть“.

5. „Богачъ собирающій сокровища земная“.

6. „Сильный Храбрый Богатырь Илья Муромецъ“.

находятъ въ немъ излишне и напрасно хвастливымъ...

Но развѣ можно въ чемъ-нибудь винить убочную картинку? Она правильно отражала народныя думы и чувства, несла въ себѣ эту слѣпую и крѣпкую вѣру, не допускающую и мысли о неудачахъ, хотя бы и временныхъ. Съ такой вѣрой шли стѣна за стѣной наши безымянные герои къ фортамъ Перемышля, на перевалы Карпатъ,—ихъ ли вина, что пришлось уступить врагу землю, политую русской кровью, древнюю русскую землю..

Что происходитъ сейчасъ въ народной душѣ, какіе легенды и слухи ходятъ по околицамъ и разносятся по проселочнымъ дорогамъ? Лубокъ молчитъ.

Но то, что было, вѣдь было же, а не выдумано досужими головами Это принадлежитъ уже исторіи и слѣдовательно можетъ быть разсматриваемо въ ея освѣщеніи.

* * *

О старомъ лубкѣ, его происхожденіи и развитіи, у насъ есть прекрасное изслѣдованіе Ровинскаго *), къ которому мы и отсылаемъ интересующихся подробностями этой своеобразной и богатой отрасли русскаго искусства. Здѣсь же умѣстна лишь маленькая экскурсія въ его прошлое, чтобы уяснить нѣкоторыя черты настоящаго: что такое — лубокъ, кто его создаетъ и для чего, откуда черпаются его содержаніе и формы? Причемъ держась границъ темы, мы будемъ касаться главнымъ образомъ лубка, посвященнаго войнѣ *).

Названіе Ровинскаго—«народныя картинки» вовсе не хочетъ сказать, что это есть народное творчество, подобное народной пѣснѣ или сказкѣ и особенно пословицѣ, поговоркѣ. Для этого въ лубкѣ слишкомъ много постороннихъ вліяній, какъ своего городского, такъ въ сильной степени и иноземнаго искусства. Конечно, и народъ вносилъ свой вкладъ въ его созданіе, но все же въ цѣломъ будетъ правильнѣе считать его искусствомъ для народа, а не народнымъ. Это тѣмъ болѣе примѣнимо къ лубку современному, который является уже цѣликомъ произведеніемъ города и только продиктованнымъ вкусами, мыслями и чувствами народа, удовлетворяющимъ его спросу.

* * *

*) Д. А. Ровинскій „Русскія Народныя картинки“ 5 книгъ текста и 4 тома атласа. СПБ. 1881 г. и сокращенное изданіе въ двухъ томахъ: „Русскія народныя картинки“ изд. Р. Голике СПБ. 1900 г.

*) Воспроизводимыя картинки взяты: №№ 1, 2, 3, 4. 9. 10, 11, 13—изъ книги Ровинскаго; №№ 8 и 22 изъ колл. С. Н. Котова; №№ 14, 24, 25, 26, 27, 28 изъ колл. Ѳ. Г. Шилова; №№ 30, 35, 37, 38 и 41 изъ собр. С. В. Вяхирева и всѣ остальныя изъ собр. А. и Вл. Денисовыхъ.

7. „Силный и Славный Храбрый Воинъ Аника".

Уже самое названіе лубокъ—лубъ (липовая кора) связываетъ его производство съ деревомъ. Дѣйствительно, первыя лубочныя картинки рѣзались и отпечатывались съ дерева и были въ сущности тѣми же гравюрами, которыми украшались и иллюстрировались тогда священныя книги (Библія, Апокалипсисъ и пр.) и въ томъ же иконномъ стилѣ.

Только къ концу XVII в., особенно съ воцареніемъ Петра Великаго, развивается у насъ, подъ руководствомъ выписанныхъ голландцевъ, мѣдная гравюра и къ тому же времени лубочная картинка окончательно отдѣляется отъ книги и вмѣстѣ съ тѣмъ эмансипируется по содержанію.

Конечно, монастыри и старообрядческія общины продолжали выпускать картинки душеспасительнаго и назидательнаго характера, но «въ міру» все сильнѣе пробивалась новая струя, пока, наконецъ, черезъ прорубленное въ Европу окно не хлынулъ цѣлый потокъ новыхъ понятій, вкусовъ и образовъ.

Насаждая у себя науки и искусства, а также желая освѣдомлять «за-границу» о своихъ подвигахъ и забавахъ, Петръ поручалъ граверамъ «грыдыровать гисторіи, персоны, ланшафты, городы, строенія, земныя и морскія карты, знаменить улицы, крѣпости и домы, печатать указы, сочинять рисунки для огнестрѣльныхъ потѣхъ, огородныхъ рядовъ, украшенія кораблей, каретъ и саней. и что еще къ назнаменительному художеству принадлежитъ и къ украшенію надлежитъ и иныя дѣла, которыя по власти случая приключиться могутъ».

Здѣсь уже открывался полный просторъ для лубочнаго творчества; отнынѣ оно прочно становится на свои ноги и начинаетъ быстро развиваться.

* * *

Разумѣется, и гисторіи эти, и персоны, и ланшафты гравировались по западнымъ образцамъ *) и вначалѣ даже костюмы сохранялись иноземные, что, впрочемъ, вполнѣ отвѣчало намѣренію Петра реформировать одежду.

Но мало-по-малу, съ усвоеніемъ техники «грыдоровальнаго дѣла», внѣшнее заимствованіе смѣняется толкованіемъ чужого истинника (подлинника), передѣлываніемъ его на русскій ладъ. И какъ имена сказочныхъ персонажей: Еруслана Лазаревича (изъ восточной повѣсти) Бовы-королевича (Buovo), Гвидона (Çuidone), Салтана (Soldan), Додона (Duodo), Полкана (Pulicano), Лукапера (Lucaferro) и др. являются обрусѣвшими иностранными именами, какъ знаменитый «Гаргантюа» Раблэ превращается въ «славного объядалу и веселого подъпивалу» и т. п., такъ и самыя формы и линіи подлинниковъ претерпѣваютъ измѣненія, приближаясь къ уже выработаннымъ церковной и свѣтской стѣнной росписью

*) Наибольшее вліяніе имѣла голландская „Библія" Пискатора.

8. „Русской Сцевола“.

9. „Обратный путь Наполеона“.

10. „Милицiйской мужикъ Долбила“.

11. „Казакъ удитъ французовъ“.

12. Преслѣдованіе отступающихъ изъ Москвы французовъ.

своимъ, понятнымъ формамъ и принимая соотвѣтственно декоративный и орнаментальный характеръ, что уже кореннымъ образомъ отличаетъ лубочную картинку отъ ея образца-гравюры.

Эта декоративность лубка обусловливалась его назначеніемъ—украшать стѣны (красные углы) горницъ, а также нѣкоторые предметы обихода, напр. внутреннюю сторону крышки сундука и т. п. Кромѣ того картинки религіознаго содержанія нерѣдко помѣщались и въ церквахъ, особенно въ захолустныхъ, гдѣ по бѣдности не хватало писаныхъ иконъ.

Сравненіе картинки № 1, относящейся къ кампаніи 1759 г. «русскій казакъ бьетъ прусскихъ драгуновъ» (какой современный сюжетъ!) съ «Аникой Воиномъ» (№ 4) или «славнымъ побоищемъ царя Александра Македонскаго съ Поромъ царемъ индійскимъ» (№ 2) даетъ наглядное представленіе объ этой разницѣ. Первая—сохраняетъ характеръ гравюры и притомъ нѣмецкой или польской, послѣднія—типичный лубокъ, гдѣ даже пояснительный текстъ является частью орнамента.

* * *

Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше развивается раскрашиваніе картинокъ. Любовь къ краскѣ, радованіе цвѣтомъ—основная русская черта, сквозящая и въ словесномъ творчествѣ народа, («Сине море», «бѣлы снѣги», «алая кровь», «красное солнышко», «жаръ-птица», «сизый голубь», «сѣрый волкъ» и т. п.), но развернувшаяся во всей силѣ въ старой иконописи, декоративной росписи и необозримомъ морѣ прикладного искусства.

Понятно, что черная гравюра не удовлетворяла глаза, казалась скучной и вотъ «иллюминованіе», расцвѣчиваніе картинки становится непремѣннымъ дѣломъ лубочнаго производства. Отпечатанные въ черныхъ контурахъ листы просушивались и поступали въ иллюминовку, которая производилась отъ руки и въ однихъ случаяхъ тщательно, какъ напр., на картинкѣ «Богачъ, собирающій сокровища земная», (№ 5) съ прослойками и переходами въ тонахъ (такіе экземпляры цѣнились дорого) въ другихъ—для широкаго потребленія—расцвѣтка состояла просто въ заливаніи краской опредѣленныхъ поверхностей, причемъ для быстроты одинъ крылъ только сурикомъ, другой—вохрой или крукомеей (желтая), третій—ярь-мѣдянкой (зеленая), четвертый сандаломъ (малиновая), пятый... но этими красками собственно и исчерпывалась вся гамма лубка, чисто восточная гамма, роднящая, какъ указалъ еще Ровинскій,

13. „Гулянье въ семикъ“.

наши картинки съ индійскими, старо-китайскими и японскими *); лишь изрѣдка для разнообразія эти краски смѣшивались между собою или поверхъ одного тона накладывался другой, давая новый оттѣнокъ.

Воспроизводимые «Сильный Храбрый Богатырь Илья Муромецъ» (№ 6) и «Силный и Славный Храбрый Воинъ Аника» (№ 7) *). показываютъ, въ чемъ состояла эта работа. Въ первой картинкѣ—одинъ тщательно разработанный контурный рисунокъ, во второй, какъ это видно даже въ черной репродукціи, поверхъ такого рисунка тронуто красками, причемъ, гдѣ не дошло, гдѣ перешло за контуръ—не взыскивалось; иногда же раскраска отступала отъ графической композиціи умышленно, въ цѣляхъ болѣе декоративнаго распредѣленія пятенъ.

Такой работой занимались главнымъ образомъ женщины и подростки, и подъ Москвой были цѣлыя села и деревни, для которыхъ иллюминовка лубочныхъ картинокъ составляла главный промыселъ.

Съ появленіемъ и развитіемъ литографіи и расцвѣтка стала производиться механическимъ путемъ, но рядомъ съ нею еще долго жила ручная, пока, наконецъ, не была вытѣснена болѣе дешевымъ машиннымъ производствомъ, которое въ свою очередь первое время старалось передать традиціонный характеръ ручной раскраски, какъ напр., въ помѣщаемомъ ниже «Разсказѣ солдата Понкрата» (№ 23), близко напоминающемъ раскраску «Богача» (№ 5).

* * *

Самымъ крупнымъ лубочнымъ предпріятіемъ являлась фабрика купца Ахметьева, основанная въ серединѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ и въ теченіе полувѣка снабжавшая деревню своими картинками. Были собственныя издательства у монастырей Кіево-Печерскаго, Почаевскаго и Соловецкаго; печатались лубки и въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губ., напр. въ Мстерѣ, гдѣ въ 1858 г. устроилъ свою литографію изслѣдователь русской старины и авторъ книжки о лубочныхъ картинкахъ И. А. Голышевъ Издавали ихъ и въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ, но все же главное производство сосредоточивалось въ Москвѣ, гдѣ кромѣ Ахметьевскаго было еще съ десятокъ болѣе мелкихъ издательствъ. Здѣсь вырабатывались типы и пошибы лубковъ, прочно складывались вкусы и традиціи, которые вліяли затѣмъ на производство картинокъ и въ другихъ мѣстахъ.

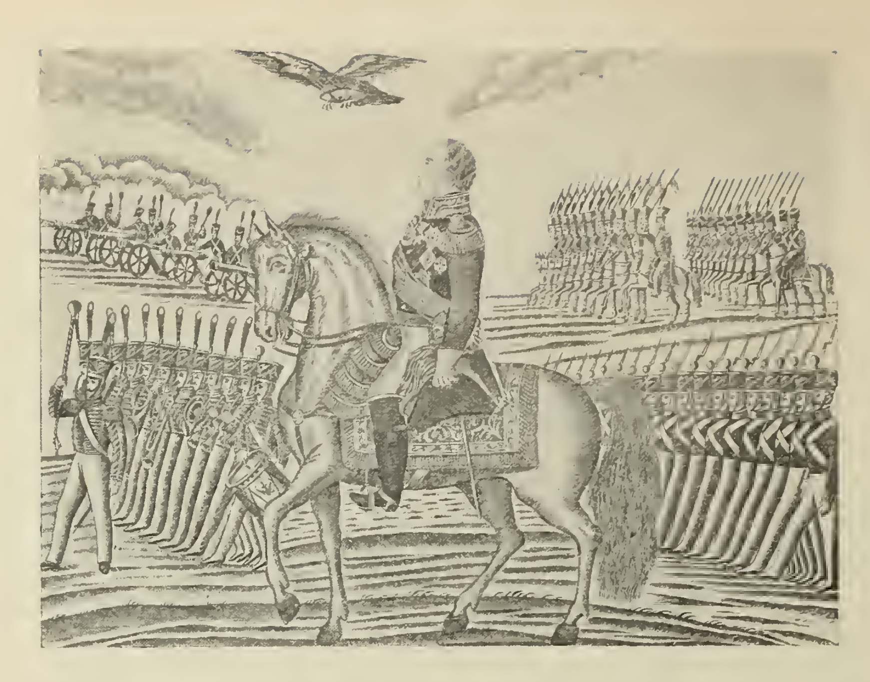
Москва же являлась и центральнымъ

*) Что вполнѣ понятно, т. к. Россіи пришлось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ выдерживать на себѣ натискъ восточныхъ народовъ.

*) Въ подписяхъ подъ картинками мы всюду сохраняемъ характерную орфографію подлинниковъ.

14. Разбитіе Верховнаго Визиря при крѣпости Шумлѣ 1829 г. 30 мая“.

15. „Генералъ-фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій".

16. „Подвигъ прапорщика Щеголева подъ Одессою 10 апрѣля 1854 Года".

17. Изъ разсказа: „Примѣрный Поступокъ Салдата Который Спасъ жизнь Петра Великаго наохотѣ“.

пунктомъ сбыта лубочныхъ картинокъ. Тутъ, у Спасскихъ воротъ, въ рядахъ или въ другихъ бойкихъ мѣстахъ, покупали ихъ тысячами о ф е н и—бродячіе торговцы, и разносили въ лубяныхъ коробахъ въ самые глухіе углы земли русской, гдѣ продавали крещеному люду по 2—3 копѣйки за листъ и, расторговавшись, снова возвращались въ Бѣлокаменную за товаромъ.

Съ развитіемъ я р м а р о к ъ сами заводчики стали развозить картинки партіями съ одной на другую для продажи оптомъ и въ розницу, причемъ самымъ оживленнымъ мѣстомъ сбыта было село Холуй, Владимірской губ., вблизи рѣки Клязьмы, гдѣ такихъ ярмарокъ бывало пять въ году. Съ этихъ крупныхъ ярмарокъ офени и мелкіе торговцы разсыпались уже по малымъ,—на престольные праздники по городамъ и селамъ.

* * *

Я р м а р к а и л у б о к ъ такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что трудно представить себѣ первую безъ второго. Продавцы лубочныхъ картинокъ своими присказками да прибаутками вносили въ ярмарочную пестроту и суету не малое оживленіе, и послѣ балагановъ, каруселей и дѣдовъ-раешниковъ больше всего толпилось народу у лубочныхъ ларей.

Въ свою очередь это отзывалось и на лубкѣ: не мало мѣткихъ словечекъ и сочныхъ, яркихъ образовъ перешло въ него именно съ ярмарокъ, этихъ центровъ с т а р а г о р у с с к а г о б а л а г у р с т в а.

Теперь вывелись балаганы и вымираютъ раешники, самыя ярмарки понемногу уступаютъ мѣсто «универсальнымъ магазинамъ»—порожденіямъ фабрики, да и лубокъ уже не тотъ. Но все же рядомъ съ предметами нѣкоторыхъ еще сохранившихся отраслей кустарнаго производства—съ поливной и расписанной глиняной посудой да свистульками, съ узорчатыми и фигурными пряниками, съ ткаными широкими поясами и расшитыми полотенцами да рубашками, съ расписными дугами и берестовыми бураками, съ яркими бумажными цвѣтами самыхъ фантастическихъ формъ—лубочныя картинки продолжаютъ появляться на деревенскихъ ярмаркахъ - базарахъ по престольнымъ праздникамъ такимъ же, какъ и прежде, обильнымъ и желаннымъ товаромъ.

Въ городахъ же, особенно крупныхъ, ихъ продаютъ уже у антикваровъ и букинистовъ, какъ r a r e t é s для коллекціонеровъ и по значительно повышеннымъ цѣнамъ.

* * *

Уже по мысли Петра гравюра-лубокъ должна была явиться нѣкоей наглядной энциклопедіей знаній и свѣдѣній для его подданныхъ, дополняя книгу однимъ изъ нихъ и замѣняя ее другимъ—неграмотной массѣ. Все дальнѣйшее развитіе лубочной картинки шло въ этомъ направленіи и нѣтъ той области умственныхъ и житейскихъ интересовъ, которыхъ не касались бы эти листки.

Священная исторія и житія святыхъ; историческія событія (въ особенности войны) и легенды; повѣсти и былины, сказки; пословицы и поговорки, какъ выраженіе народной

18. „Пѣсня“.

мудрости; различныя стороны быта: отношеніе къ женщинѣ и семьѣ, къ труду, къ увеселеніямъ и шутовству, къ пьянству, къ болѣзнямъ и леченію, къ суду (Шемякинъ судъ), къ иностранцамъ и т. д., — все это давало пищу для лубка, переводилось на языкъ линій и красокъ. А всякіе календари и альманахи, буквари, оракулы, родословныя древа, виды разныхъ мѣстностей, портреты царей и знаменитыхъ людей, наконецъ, громадная область сатиры на всѣхъ и все, то легкой и добродушной, то злой и бичующей, приносившей лубку не мало цензурныхъ каръ и запретительныхъ указовъ...

* * *

Впрочемъ не одна цензура, свѣтская и духовная, воздвигала гоненія на лубочныя картинки. Ополчалась на нихъ и общественная, интеллигентская мысль.

Еще въ XVIII в. салонные піиты, въ родѣ Тредьяковскаго, презрительно фыркали на лубочное творчество вообще, какъ на «подлое», низкое, а когда вышли въ свѣтъ пушкинскія «Русланъ и Людмила» и сказки, съ явной данью лубку, они были встрѣчены «въ обществѣ», какъ вещи, которыя невозможно терпѣть просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку.

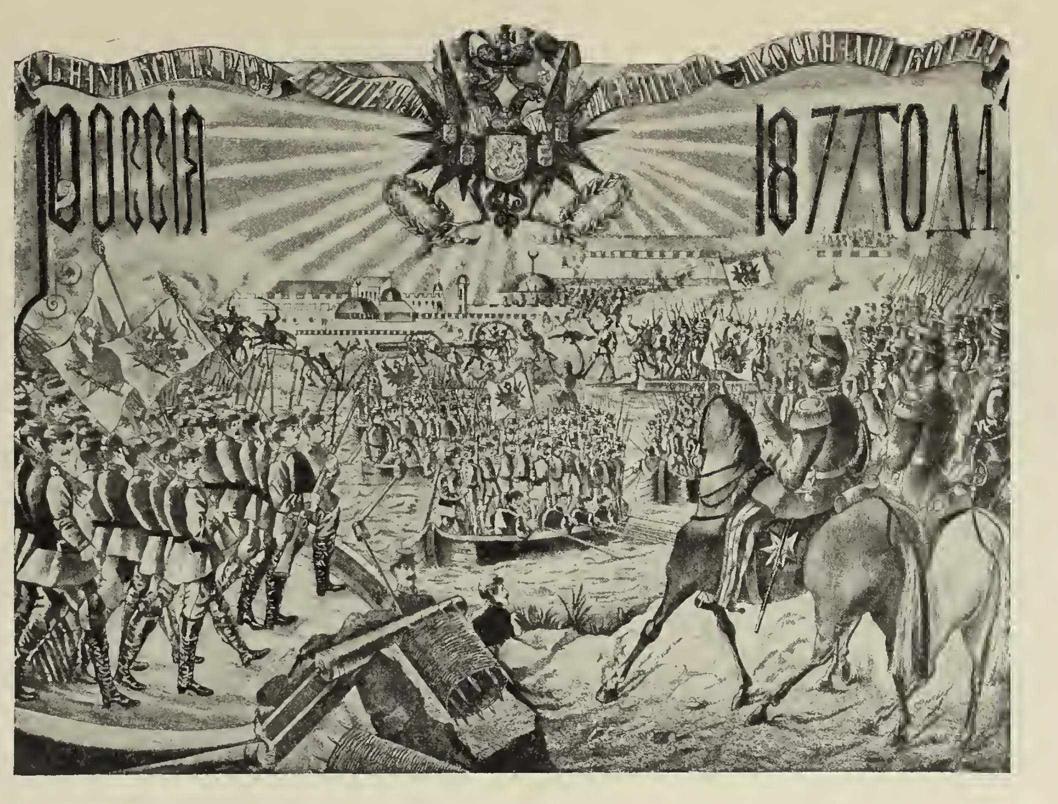
Особенно же клеймила лубочное творчество народническая публицистика 60 — 80-хъ годовъ, видѣвшая въ немъ потаканіе невѣжеству и предразсудкамъ народа, спекуляцію на его темныхъ инстинктахъ.

Быть можетъ въ послѣднемъ и была доля правды: спекуляція примѣшивается ко всякому дѣлу. Но въ цѣломъ лубокъ безусловно положительное и весьма цѣнное явленіе и по тому, что онъ говоритъ народу, и по тому, что онъ говоритъ о народѣ, будучи зеркаломъ его жизни, всѣхъ движеній народной души. Забѣлинъ и Ключевскій своими прекрасными характеристиками стародавняго быта обязаны не только лѣтописямъ и литературнымъ памятникамъ вообще, но и ихъ живому, веселому современнику лубку, и точно также будущіе изслѣдователи нашихъ дней не пройдутъ мимо нынѣшнихъ лубочныхъ картинокъ, каковы бы они ни были.

* * *

Если по содержанію эти картинки являются частью перепѣвомъ городскихъ и даже иноземныхъ сюжетовъ, частью, и весьма значительной, отзвукомъ народныхъ мыслей и чувствъ, то съ форменной стороны онѣ слѣдуютъ за современнымъ имъ искусствомъ и прежде всего, конечно, за живописью, которая диктуетъ выработанныя ею формы и гравюрѣ (иллюстраціи вообще) и другимъ, уже чисто прикладнымъ отраслямъ.

Выше мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ

19. „Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца 10 іюня 1877 г.“.

20. „Махнулъ ногой, Дунай перескочилъ; шагнулъ другой, Балканы перешелъ“.

21. „Разбитіе Шипкинской Турецкой арміи“.

22. „Прилетѣла русская бомба въ турецкую землю".

иконописныхъ формъ видоизмѣнялась въ лубокъ западная гравюра. Иконныя традиціи, особенно въ старообрядческой средѣ, сохраняются и въ XIX в. и цѣликомъ сказываются напр. въ воспроизводимой картинкѣ 1852 года «Богачъ, собирающій сокровища земная» (№ 5), довольно близко напоминающей по композиціи и даже краскамъ одну Ярославскую фреску конца XVII в. Въ этомъ смыслѣ неисчерпаемымъ кладеземъ для лубка являлись росписи папертей Московскихъ, Ярославскихъ и Костромскихъ соборовъ, гдѣ освобожденная отъ каноническихъ требованій (обязательныхъ внутри храма) фантазія живописцевъ создавала изумительные образы на сюжеты изъ Апокалипсиса и разныхъ апокрифическихъ сказаній, подобные десятиглавому змѣю, поражаемому Еруcланомъ Лазаревичемъ (№ 3).

Какое грозное чудовище, мечущее огненныя стрѣлы не только изъ своихъ пастей, но и изъ хвоста *) и какая увѣренность въ своей несокрушимой силѣ, поддерживаемой свыше, у всадника и коня (и опять: развѣ это не прообразъ нашихъ дней— борьбы съ огнестрѣльной мощью чудовищной гидры германскаго милитаризма!)

* * *

*) Интересно, какъ здѣсь вписанъ въ композицію этотъ орнаментально завитый хвостъ чудовища.

На исходѣ XVII в. у насъ зарождается (также подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ) свѣтская живопись, быстро—уже къ концу слѣдующаго столѣтія — достигающая расцвѣта, и лубокъ мало-по-малу перенимаетъ ея формы, сначала въ портретахъ, а затѣмъ и въ разныхъ сценкахъ, особенно въ шутливыхъ, для которыхъ величавый иконный стиль уже не годился.

Больше всего для этого подходили жанровыя картины голландцевъ *); дѣйствительно, въ рисункѣ многихъ шутливыхъ персонъ, излюбленныхъ лубкомъ, можно отмѣтить голландскія черты даже тогда, когда сами персоны эти взяты изъ итальянской интермедіи. Немалую роль играла и французская живопись XVIII вѣка, фривольные сюжеты которой, повторяемые гравюрами, не разъ воспроизводились въ лубкѣ.

Съ новымъ вѣкомъ пришли новыя формы, и во многихъ картинкахъ изъ эпохи 12-го года, напр., № 8—«Русской Сцевола» (съ подписью: И: И:), явно отразились черты классицизма, утвердившагося въ европейской живописи послѣ французской революціи.

Таковы же лубки-каррикатуры извѣстнаго

*) Знакомству съ которыми много содѣйствовали выписанные Петромъ изъ Амстердама граверы Шхонебекъ и Пикаръ.

23. „Разсказъ солдата Понкрата, вернувшагося съ войны".

художника Теребенева, напр., «обратный путь Наполеона» (№ 9), гдѣ и движеніе замахнувшагося казака и характеристика мужика, трактовка складокъ и т. д. напоминаютъ «русскія» картины нашихъ классиковъ; таковы и листки, издававшіеся Ростопчинымъ, изображающіе ратниковъ и крестьянъ-партизановъ въ позахъ древнихъ героевъ, напр., № 10 — «Милиційской мужикъ Долбила».

* * *

Отечественная война оставила глубокіе слѣды въ русской жизни. О «французѣ» *) и герояхъ-защитникахъ родины долго вспоминалъ народъ, и такъ же, какъ участники этой войны передавали дѣтямъ и внукамъ подробности нашествія и изгнанія двунадесяти языковъ,—и въ лубкѣ долго повторялись сюжеты и образы 12 года, особенно при послѣдующихъ войнахъ, когда невольно приходили на память былые успѣхи русскаго оружія.

Такъ, передъ крымской войной 1853--56 г.г. была издана картинка «Князь Кутузовъ-Смоленскій» (№ 15), типично Николаевскаго стиля съ правильными шеренгами марширующихъ солдатъ, которые очень удачно использованы авторомъ въ композиціонномъ отношеніи. Появлялись такіе лубки и въ Турецкую войну 1877—8 г.г. и позже, причемъ для образца брались преимущественно старинныя картинки и гравюры, какъ, напр., въ листѣ № 12—«Преслѣдованіе отступающихъ изъ-подъ Москвы французовъ», изданномъ въ 1891 году.

Но отечественная война сказалась въ лубкѣ и въ другомъ отношеніи. Французы принесли съ собой много своихъ каррикатуръ и картинокъ, которыя, несомнѣнно, вліяли на нашъ лубокъ. Изданные Теребеневымъ листы близко напоминаютъ французскія картинки, печатавшіяся въ Эпиналѣ въ департаментѣ Вожъ, у Вогезскихъ горъ. Того же происхожденія и картинка № 14 «Разбитіе верховнаго визиря при крѣпости

*) Кстати, къ французу, въ противоположность нѣмцу, нашъ народъ всегда относился съ явной симпатіей за его веселый нравъ и почти русскую безпечность: „французикъ веселая голова,—живетъ спустя рукава; дымомъ грѣется,—шиломъ брѣется; сытъ крупицей,—пьянъ водицей". И даже ожесточеніе, сопровождавшее дѣйствія партизанскихъ отрядовъ, было направлено не столько противъ французовъ, какъ таковыхъ, какъ противъ „непріятеля" вообще (двунадесяти языковъ), вторгнувшагося въ сердце матушки Россіи. Кончилась война—и тѣ же плѣнные французы нашли у насъ вторую родину.

24. „Геройскій подвигъ стрѣлка Ляшева“.

25. „Бой на Гаотулинскомъ перевалѣ“.

26. „Неудавшийся замыселъ японцевъ заградить выходъ изъ Портъ-Артура“.

27. „Атака японцевъ на Портъ Монэ“.

Шумлѣ», относящаяся къ Балканской кампаніи 1829 года, результатомъ которой какъ извѣстно, было провозглашеніе независимости Греціи.

* * *

Къ 60-мъ годамъ классицизмъ смѣняется у насъ бытовымъ реалистическимъ направленіемъ, и этотъ переворотъ въ живописи сказывается и въ лубкѣ, который вѣдь всегда тяготѣлъ къ быту. Таковы, напр., картинки: № 18 — «Пѣсня», съ сѣверно-русскими постройками и одеждами — очевидное вліяніе картинъ Венеціанова, а № 20 «Махнулъ ногой, Дунай перескочилъ»...— воздѣйствіе уже слѣдующей, передвижнической эпохи, съ ея культомъ лаптей, полушубковъ, рукавицъ и т. п..

Особенно же типиченъ въ этомъ отношеніи «Разсказъ солдата Понкрата, вернувшагося съ войны» (№ 23) и повѣствующаго у питейнаго заведенія передъ толпой односельчанъ о побѣдахъ надъ турками, которыхъ тутъ же проводятъ подъ конвоемъ въ плѣнъ къ великому удовольствію ребятишекъ. Слегка подгулявшій мужиченко откалываетъ трепака въ присядку подъ балалайку, и самъ цѣловальникъ «И. И. Кругликовъ» благодушно созерцаетъ все это изъ окна.

Но въ то время, какъ тенденціозное интеллигентское творчество передвижниковъ, шедшее на поводу у народнической публицистики, презрѣло искусство, какъ забаву, а краску, какъ «балластъ, мѣшающій выраженію серьезной идеи», народныя картинки, не мудрствуя лукаво, продолжали культивировать цвѣтъ,—его силу и яркость, удерживали свои композиціонные прицины и въ этомъ смыслѣ сохраняли прежній декоративный характеръ.

Какими сухими и скучными по пластическому замыслу кажутся, напр., баталіи Верещагина рядомъ съ бойкими композиціями лубка, подобными «Переходу русскихъ войскъ черезъ Дунай» (№ 19), «Разбитію турецкой шипкинской арміи» (№ 21) или разрыву бомбы (№ 22) и т. п.; и насколько интереснѣй ихъ по краскамъ—малиновымъ, зеленымъ, лиловымъ и оранжевымъ «Разсказъ солдата Понкрата» (№ 23).

И замѣчательно: картины прославленнаго баталиста документально правдоподобнѣй,—недаромъ художникъ провелъ всю турецкую кампанію на передовыхъ позиціяхъ; лубокъ далекъ отъ такой правды, его создатели, несомнѣнно, и не выѣзжали изъ

82. „Штурмъ у Цзинчжоу“.

Москвы, но онъ художественно убѣдительнѣй, ибо продиктованъ чувствомъ, переживаніемъ войны, а не разсужденіемъ о ней.

* * *

Но что еще замѣчательнѣй: для слѣдующаго поколѣнія лубокъ изъ отголоска живописи становится однимъ изъ источниковъ, откуда художники черпаютъ и вдохновеніе и формы.

Реакціей противъ протокольнаго реализма передвижниковъ было декоративное движеніе, начавшееся въ 90-хъ г. г. и длящееся до нашихъ дней. Не пройдя настоящей живописной школы, но чувствуя необходимость въ опорѣ, въ художественныхъ цѣнностяхъ, которыя можно было бы противопоставить отвергаемому «списыванію съ природы», наши художники стали обращаться къ «красотѣ прошлаго», къ декоративности старины, которая какъ разъ являлась антитезой эстетическому нигилизму предшествующаго поколѣнія; тутъ то лубокъ и всплылъ на поверхность. Цѣлый рядъ художниковъ повторяетъ его формы (до самыхъ древнихъ включительно) и краски, и иной разъ такъ буквально, что трудно провести границу между ихъ «картиной» и лубкомъ.

Выигрывала ли отъ этого живопись, другой вопросъ—Пушкинъ совсѣмъ иначе относился къ народнымъ повѣстямъ и сказкамъ, но для лубка такое вниманіе было цѣннымъ: обогащало его формами, какъ прежними своими, такъ затѣмъ и привнесенными съ Запада новыми, вплоть до футуристическихъ, и заодно давало готовыхъ, опытныхъ работниковъ.

* * *

Поэтому то въ послѣдніе годы мы наблюдаемъ такое разнообразіе типовъ, или какъ говорили раньше, пошибовъ лубочныхъ картинокъ.

Еще въ большомъ ходу перепѣвы (хромолитографскимъ способомъ) стараго сказочнаго лубка, въ родѣ боя Еруслана съ морскимъ змѣемъ или Бовы съ Полканомъ и т. п., съ сохраненіемъ прежняго хара-

29. „Проводы на войну за святое дѣло“.

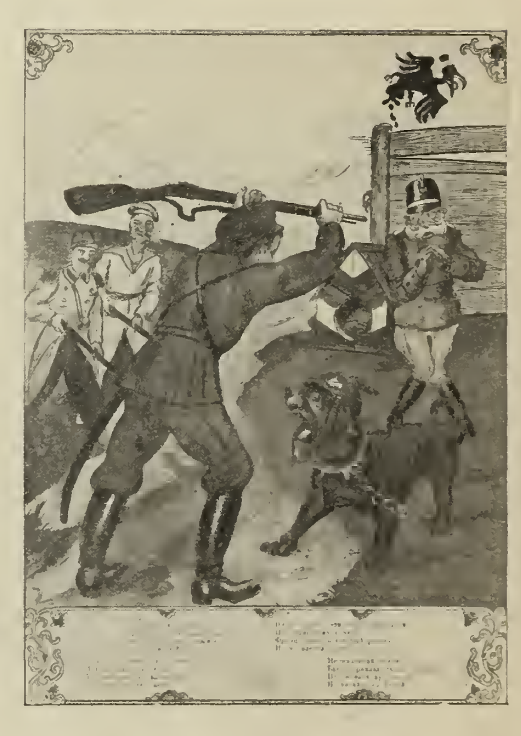
30. „Русскія войска въ Восточной Пруссіи“.

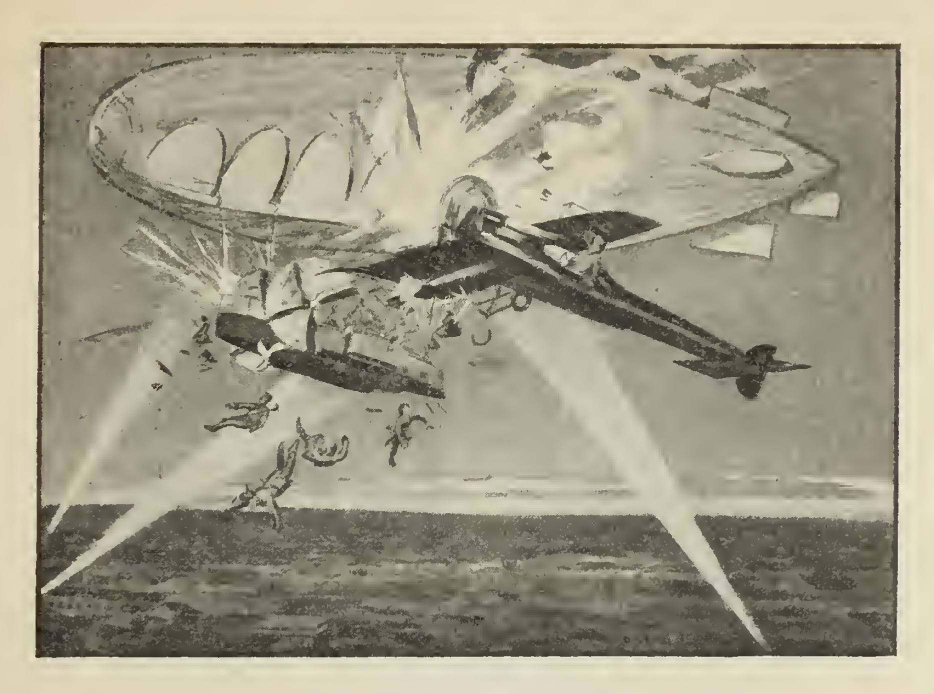
31. „Бесѣда подъ Царьградомъ“.

32. „Удаль казака“.

33. „Наука нѣмцу“.

34. „Подвигъ авіатора Гарро“.

ктера композиціи и даже, въ значительной мѣрѣ, раскраски; повторяются многія «пѣсни», подобно помѣщенной выше подъ № 18, съ еще венеціановской трактовкой русскаго быта; вспоминаются и нѣкоторыя славныя страницы военной исторіи, изображаемыя нерѣдко въ стиляхъ соотвѣтствующихъ эпохъ.

Воспроизводятся въ лубкѣ и наиболѣе популярныя картины нашихъ художниковъ, напр., «Подвигъ купца Иголкина»—Шебуева, «Ермакъ» — Сурикова, «Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами»—В. Васнецова и мн. др.; сказывается вліяніе и верещагинскихъ баталій.

Послѣднее можно отмѣтить въ относящемся къ японской войнѣ листѣ—«Бой на Гаотулинскомъ перевалѣ» (№ 25), гдѣ и трактовка фигуръ и коричневый колоритъ близки къ Верещагину; композиція же, изображая современную атаку цѣпями, еще какъ будто не порвала со старыми принципами расположенія плановъ надъ планами, какіе видимъ напр. на картинкахъ № 21 (верхъ), № 19 и особенно № 15.

Въ свою очередь «Подвигъ стрѣлка Ляшева» (№ 24) исполненъ, въ иллюстраторскомъ «каразинскомъ» пошибѣ, а забавная «Атака японцевъ на (американскій) Портъ Монэ» (№ 27) взята очевидно изъ какого то заграничнаго юмористическаго журнала.

Въ противоположность этимъ иллюстраторскимъ и «протокольнымъ» тенденціямъ, авторы другихъ листовъ стремятся передать одушевленіе войны, мощную и жуткую картину боя, «бросая груды тѣлъ на груды», среди грозовыхъ клубовъ дыма (№ 28 — Штурмъ у Цзинчжоу или) окружая стальныхъ морскихъ гигантовъ величественной фейеріей въ духѣ картинъ извѣстнаго англійскаго художника Тернера, какъ это мы видимъ на одномъ изъ лучшихъ лубковъ японской войны, № 26—«Неудавшійся замыселъ японцевъ заградить выходъ изъ Портъ-Артура».

Кстати сказать, изъ трехсотъ слишкомъ листовъ выпущенныхъ въ ту войну, добрая треть относится именно къ стойкоі защитѣ Портъ-Артура, про которую сложилось въ народѣ не мало пѣсенъ и легендъ.

* *
*

Въ нынѣшнюю войну также прежде всего появились картинки, продолжающія «реалистическія» традиціи недавняго прошлаго, съ введеніемъ лишь въ свой обиходъ новыхъ орудій войны: аэроплановъ, дирижаблей, автомобилей, дредноутовъ и подводныхъ лодокъ.

35. „Звѣрства нѣмцевъ. Разстрѣлъ казначея Соколова въ Калишѣ".

Къ этому типу относятся воспроизводимые: «Проводы на войну» (№ 29), «Русскія войска въ Восточной Пруссіи» (№ 30), «Подвигъ авіатора Гарро» (№ 34) и «Бесѣда подъ Царьградомъ» (№ 31). Реализмъ ихъ, разумѣется, довольно относительный, но и нѣтъ свободнаго распоряженія формами въ цѣляхъ композиціонныхъ и для большей экспрессіи. Это—своеобразный «бытовой» лубочный стиль, выработанный за послѣднія 2—3 десятилѣтія нѣкоторыми издательствами, напр. Сытинскимъ.

На первой картинкѣ изображенъ моментъ прощанія передъ отходомъ воинскаго поѣзда, съ довольно удачной группировкой и расцвѣткой толпы и характерной станціонной обстановкой. На второй—бой на улицахъ прусскаго городка, съ засѣвшимъ въ домахъ непріятелемъ, причемъ убитые, конечно, только нѣмцы. Въ «Подвигѣ Гарро» надъ погруженнымъ въ тьму городомъ разыгрывается воздушная драма, жуть которой авторъ усиливаетъ снопами свѣта трехъ прожекторовъ. Цеппелинъ охваченъ пламенемъ, трактованнымъ такъ же, какъ и на бытовыхъ картинкахъ, изображающихъ пожаръ.

Наконецъ, въ «Бесѣдѣ подъ Царьградомъ» спокойной, съ пренебрежительной улыбкой, фигурѣ нашего «Чудо-Богатыря» противопоставляется забавная, мечущаяся въ безсильной злобѣ, масштабно маленькая фигурка «турки», а на заднемъ планѣ—и конкретный предметъ спора: Царьградъ, удачно заполняющій пространство композиціи съ правой стороны.

Этотъ же масштабный пріемъ повторяется и въ рядѣ другихъ листовъ, напр., въ «Удали казака» (№ 32), который, какъ нѣкогда былинные богатыри, шутя справляется съ многочисленнымъ противникомъ. Того же пошиба и «наука нѣмцу» (№ 33), изображенному въ видѣ сорвавшагося съ цѣпи пса, а также одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ «нѣмецкихъ звѣрствъ» (№ 35).— разстрѣлъ на улицѣ Калиша казначея П. И. Соколова, сжегшаго казенныя деньги, чтобы не достались непріятелю.

* * *

Выяснившійся успѣхъ и спросъ сейчасъ же рождаютъ нѣсколько новыхъ издательствъ и конкуренцію между ними. Къ дѣлу привлекаются художники, которые приносятъ съ собой разнообразіе своихъ направленій и вкусовъ, — одни, слѣдуя старымъ образцамъ лубка или гравюръ, другіе, придерживаясь современныхъ формъ.

Примѣромъ ретроспективнаго направленія является портретъ Великаго Князя Николая Николаевича, исполненный извѣстнымъ графикомъ Е. Нарбутомъ въ стилѣ гравюръ 1812 года, въ родѣ той, которая послужила образцомъ для картинки № 12, а можетъ быть и подъ прямымъ вліяніемъ послѣдней, о чемъ можно догадываться по нѣкоторымъ общимъ элементамъ компо-

36. „Верховный Главнокомандующій
Великій Князь Николай Николаевичъ“.

37. „Пораженіе нѣмцевъ при Друскеникахъ на Нѣманѣ".

38. „Взятіе Львова".

39. „Врагъ рода человѣческаго".

зиціи: деревья, уголъ палатки и какой-то будки справа, облака съ бѣлымъ обводомъ и т. п.

Точно также въ подражаніе средневѣковымъ миніатюрамъ сдѣлана картинка «Врагъ рода человѣческаго»—(№ 39), представляющая «Кайзера» въ видѣ исчадья ада, принесшаго на землю смерть и разрушеніе.

Другого типа, чисто иллюстраціоннаго,—лубокъ-каррикатура № 40 «Голодъ въ Германіи» работы сотрудника «Новаго Сатирикона» Ре-ми и картинка № 37 «Пораженіе нѣмцевъ на Нѣманѣ», тогда какъ листки «Взятіе Львова» (№ 38), «Бой у Владиміра Волынскаго» (№ 41) и «Осада Перемышля» (№ 42), стремятся дать сгущенную эмоцію боя—его движеніе и напряженность--путемъ нѣкотораго упрощенія и обобщенія формъ и управленія массами. Какъ экспрессивно передана, напр., въ № 41 бѣшеная атака австрійскихъ гусаръ,—лавина лошадей и людей, разбивающаяся, очевидно, о твердыню крѣпости, стойкая защита которой характеризуется безстрашной позой генерала, наблюдающаго тутъ же, на валу, за дѣйствіемъ своей артиллеріи.

* *
*

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія картинки: «Побѣда надъ турками у Баязета» (№ 44) и «Гибель германскаго крейсера Магдебургъ» (№ 43) *). Въ первой, не говоря уже о распредѣленіи фигуръ,—въ самой трактовкѣ формъ, въ штриховкѣ острыми изломанными планами пейзажа и въ завиткахъ дыма взрывовъ—ясно выраженное желаніе дать динамику боя: все движется, все ажитировано, нѣтъ ни одной спокойной линіи. Даже небо охвачено этимъ настроеніемъ въ противоположность безстрастной его глади, скажемъ, въ «Боѣ у Владиміра Волынскаго» или въ «Подвигѣ Гарро».

Еще больше динамизма, подлинная ро-

*) Послѣдняя переведена Д. И. Митрохинымъ, по порученію пишущаго эти строки, на языкъ графики для обложки.

40. „Голодъ въ Германіи".

мантика войны, въ «Гибели крейсера Магдебургъ». Недаромъ этотъ лубокъ изданъ въ Ригѣ и, судя по двойному—русскому и латышскому—тексту подъ нимъ, принадлежитъ латышу. Извѣстно, съ какимъ чувствомъ латышское населеніе прибалтійскаго края встрѣтило войну противъ своихъ угнетателей. Близость же и знаніе моря, любовь къ нему, подсказали и самый сюжетъ и формы для его выраженія.

Сколько силы и упругости въ этихъ линіяхъ носа броненосцевъ, рѣжущихъ и пѣнящихъ волны, какъ разметались бѣлые гребни ихъ, какіе зловѣщіе клубы дыма надъ гибнущимъ вражескимъ судномъ, отъ котораго бросаются вплавь жалкія фигурки людей. И нѣтъ спасенія: ибо и дальше, на горизонтѣ, грозно встаютъ черные силуэты крейсеровъ. Въ самомъ колоритѣ этого листа, изсиня сѣромъ, съ желто-красными языками огня что то неумолимое, жуткое.

* * *

Иначе поняла свои задачи группа московской молодежи, образовавшая издательство «Сегодняшній лубокъ».

Въ выпущенныхъ ею картинкахъ также есть стремленіе къ выраженію динамики войны - черезъ утрировку движенія какъ отдѣльныхъ фигуръ, такъ и цѣлыхъ группъ, напр., во второмъ планѣ на листѣ № 45 «Взятіе Львова» или № 47 ...«ты въ Парижъ а мы въ Берлинъ» (въ другихъ еще больше). Однако, заботясь о декоративности лубка, стремясь дать яркое и веселое пятно, эти художники впали въ крайность—въ плакатность, лишающую ихъ картинки настоящей двигательной силы. И если краски все-таки еще выкупаютъ ихъ, напр., въ № 46—«Шелъ австріецъ въ Радзивиллы...»—ярко красный сарафанъ молодицы, зеленое поле и бѣлыя горы и облака на фонѣ синяго неба, то въ черной репродукціи они открываютъ много пустыхъ, композиціонно не использованныхъ, мѣстъ да и утрировка формъ, съ подражаніемъ старымъ народнымъ, нерѣдко манерна, недостаточно прочувствована. Это же обстоятельство ослабляетъ и юморъ, которымъ проникнуто большинство лубковъ разсматриваемой серіи и который гораздо дѣйствительнѣе въ звонкихъ и находчивыхъ риѳмахъ подписей, напр.:

41. „Бой у Владиміра Волынскаго“.

42. „Осада русскими войсками крѣпости Перемышля“.

43. „Гибель германскаго крейсера „Магдебургъ“.

44. „Побѣда надъ Турками у Баязета“.

1) „Ахъ, какъ нѣмцамъ подъ Намюромъ
Досталось по шевелюрамъ“.

2) „Жгутъ дома, наперли копоть,
А самимъ то неча лопать“.

3) „Ну и трескъ же, ну и громъ же
Былъ отъ нѣмцевъ подлѣ Ломжи“.

4) „Эхъ, султанъ, сидѣлъ бы въ Портѣ,—
Дракой рыла не попорти“ и т. п.

Названнымъ издательствомъ выпущено и значительное количество лубковъ-каррикатуръ въ открыткахъ, напр., № 48—«Турки сѣвши у Димотики...», появленіе которыхъ въ этой роли является новинкой настоящей войны и, повидимому, имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее распространеніе, т. к. теперь открытки на стѣнѣ у городской и сельской демократіи начинаютъ занимать такое же мѣсто, какъ и лубокъ.

* * *

Плакатная манера этихъ картинокъ нашла откликъ въ другихъ издательствахъ (напр., листы № 49—«Нѣмецъ куритъ трубку» и упомянутый уже № 40—«Голодъ въ Германіи»), но нужно сказать, что она стоитъ внѣ традицій лубка и не соотвѣтствуетъ его назначенію.

Броская и крикливая внѣшность плаката вытекаетъ изъ заданія остановить на минуту взглядъ прохожаго на улицѣ, обратить вниманіе на рекламируемое, и только. Долгаго и многократнаго разсмотрѣнія плакатъ, даже самый лучшій, художественный, не выдерживаетъ, начинаетъ «мозолить» глазъ, надоѣдать.

Лубокъ же, предназначаемый для продолжительнаго пребыванія на стѣнѣ и украшенія ея, долженъ обладать другими качествами, уже выработанными традиціей, и къ этой традиціи должны приспособляться вносимыя въ него новыя современныя формы.

Въ заключеніе не безынтересно сопоставить двѣ карты Европы въ лицахъ—1883 г. и въ началѣ нынѣшней войны—съ образной характеристикой народовъ, которая пояснена помѣщаемымъ ниже текстомъ.

* * *

45. Взятіе Львова.

Въ самомъ расцвѣтѣ оборвалось сейчасъ лубочное творчество, но не изсякъ запасъ творческихъ силъ. Настанутъ другіе дни и снова полетятъ эти листки во всѣ концы Россіи. И думается, послѣ невольнаго перерыва, послѣ оглядки на себя, еще богаче, пышнѣе расцвѣтетъ этотъ причудливый цвѣтокъ нашего искусства.

Декабрь 1915—январь 1916 г.

46. „Шелъ австріецъ въ Радзивиллы,
Да попалъ на бабьи вилы".

47. ...„клиномъ клинъ:
Ты въ Парижъ, а мы въ Берлинъ".

48. „Турки, сѣвши у Димотики
Чешутъ съ голода животики“.

49. „Нѣмецъ куритъ трубку.
Турка клюетъ крупку“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Карта Европы въ лицахъ 1883 г.

I.

Господа подходите—глаза протрите—хорошенько смотрите... покажу вамъ Европу... Все какъ есть на мѣстѣ—и порознь и вмѣстѣ... Скажу всѣ церемоніи—ни у кого гегемоніи, у всѣхъ—приспѣло свое внутреннее дѣло...

Всматривайтесь!

Англія и Ирландія, что кошка съ собакой,—заняты лютою дракой, а вѣдь какъ они судьбой наказаны—другъ къ другу на цѣпь привязаны. А Шотландецъ—поджалъ свои голыя ноги, ждетъ, какіе будутъ итоги...

Ну народы!

А вотъ Хранцузская республика—развеселая публика. Силится отъ Германіи оттянуть завоеванія, а того не замѣчаетъ, что ее гидра мятежа заѣдаетъ...

Вѣрно!

А вотъ Бисмаркъ Германію поддержать старается, а то она по швамъ расползается—въ гостиницѣ что то съѣхавшіеся нѣмцы не уживаются...

Такъ то!

А Австрійцу да Венгерцу надо бы задать перцу. Другъ къ другу повернулись спинами, да (смотрите: скажу между нами), глупости и строютъ: одинъ другому ямы роютъ. А повернись они другъ къ другу лицомъ, такъ и держава бы ихъ смотрѣла молодцомъ...

Вѣрно!

Въ Италіи папа съ королемъ стараются: другъ у друга Римъ оттянуть домогаются. А Римъ стоитъ недвижимъ...

Плохо!

Гишпанія съ Португаліей украсились новою регаліей: одна зѣвала, другая куралесила—да на шею себѣ та и другая черную руку и повѣсила...

Ну, да авось, Богъ дастъ—вывернутся.

А вотъ на Босфорѣ новое дѣло: объявилось мертвое тѣло. Голова отрѣзана, языкъ вынутъ, хотя ротъ еще и разинутъ, —да въ него болгарскій кукишъ вдвинутъ. А каждая славянская рука преподноситъ ему понюхать кулака, и втихомолку тянетъ греченокъ съ мертваго ермолку; да и персидскій шахъ не зѣваетъ—панталоны съ него снимаетъ.

Бѣдные!

А на сѣверѣ Швеція кряхтитъ: у нея на спинѣ спящая Норвегія сидитъ. Подъ ношей Швеція того гляди, ноги протя-

нетъ,—а еще говорятъ: своя ноша не тянетъ...

Попробуйте!

Вотъ матушка Данія—та со дня мірозданія сидитъ да чулочки вяжетъ—ни въ какомъ вопросѣ слова не скажетъ. Богатство кучитъ, народъ грамотѣ учитъ; и тепло и сытно и предъ міромъ не стыдно...

Правильно!

А матушка Россія державная, право-правящая, православная—въ вѣнцѣ и порфирѣ раскинулась въ сѣверномъ мірѣ. Пусть и въ ней не все спокойно, но она смотритъ на это достойно. Поднявъ къ небу свои вѣжды, возлагаетъ на Бога надежды. Мечъ въ рукѣ, щитъ на рукѣ.

Не унываемъ, ибо на Бога уповаемъ.

II. Карта Европы въ лицахъ (въ началѣ нынѣшней войны).

II.

Нѣмка—старая вояка
Тычетъ въ шею Австріяка,
Но косится Австріякъ
Боязливо на кулакъ.
Хоть размѣромъ съ пятачекъ
Крѣпокъ Сербскій кулачекъ.
Черногорцы, бросивъ женъ
Лѣзутъ тоже на роженъ
Только хитренькій Болгаринъ
Австріяку благодаренъ
За подачки да за взятки
Выгодъ ждетъ отъ новой схватки.
А Румынія съ улыбкой
Извивается, какъ рыбка,
Дескать: «я—нейтралитетъ
Воевать охоты нѣтъ».
И съ Албанца взятки гладки
Не воюютъ вѣдь ребятки!
Только Турція для слуха
Подняла свиное ухо,
Не скрывая вражій пылъ.
Ну, да кто жъ ее не билъ!
Вотъ Италія съ букетомъ
Хвастаетъ нейтралитетомъ
Рядомъ съ ней медвѣдь Швейцарскій
Кроткіе зажмурилъ глазки
Говоритъ: «пускай война,
Мое дѣло—сторона».
То же думаетъ Голландка
И Датчанинъ и Испанка
И Норвегія и Шведъ
Всѣ твердятъ: «нейтралитетъ!»
Только Англія не ждетъ,—
Гонитъ въ море пароходъ.
Гнѣвно Франція взираетъ
На свободу выпускаетъ
Молодыхъ своихъ орлятъ
Пусть ка нѣмца угостятъ!
Храброй Бельгіи вѣнокъ
Положили мы у ногъ
А на всю эту картину
Смотритъ славный нашъ дѣтина
Храбрый русскій молодецъ
Зубоскалъ и удалецъ.
Добродушенъ онъ покуда,
Разозлится—будетъ худо!

Table des images.

Готовятся къ печати

Того же автора:

1) **Англійскіе живописцы.** Съ 45 воспроизведеніями съ картинъ Хогарта, Рейнольдса, Гейнсборо, Ромнея, Хоппнера, Рэберна, Лоренса, Тернера, Констебля, Бонингтона, Уистлера, Хольмана Хента, Миллеса, Россетти, Бернъ-Джонса, Уотса и графики Бердслея.

2) **Къ мечтамъ о возрожденіи русской живописи.** Со многими воспроизведеніями съ картинъ русскихъ и западныхъ школъ.

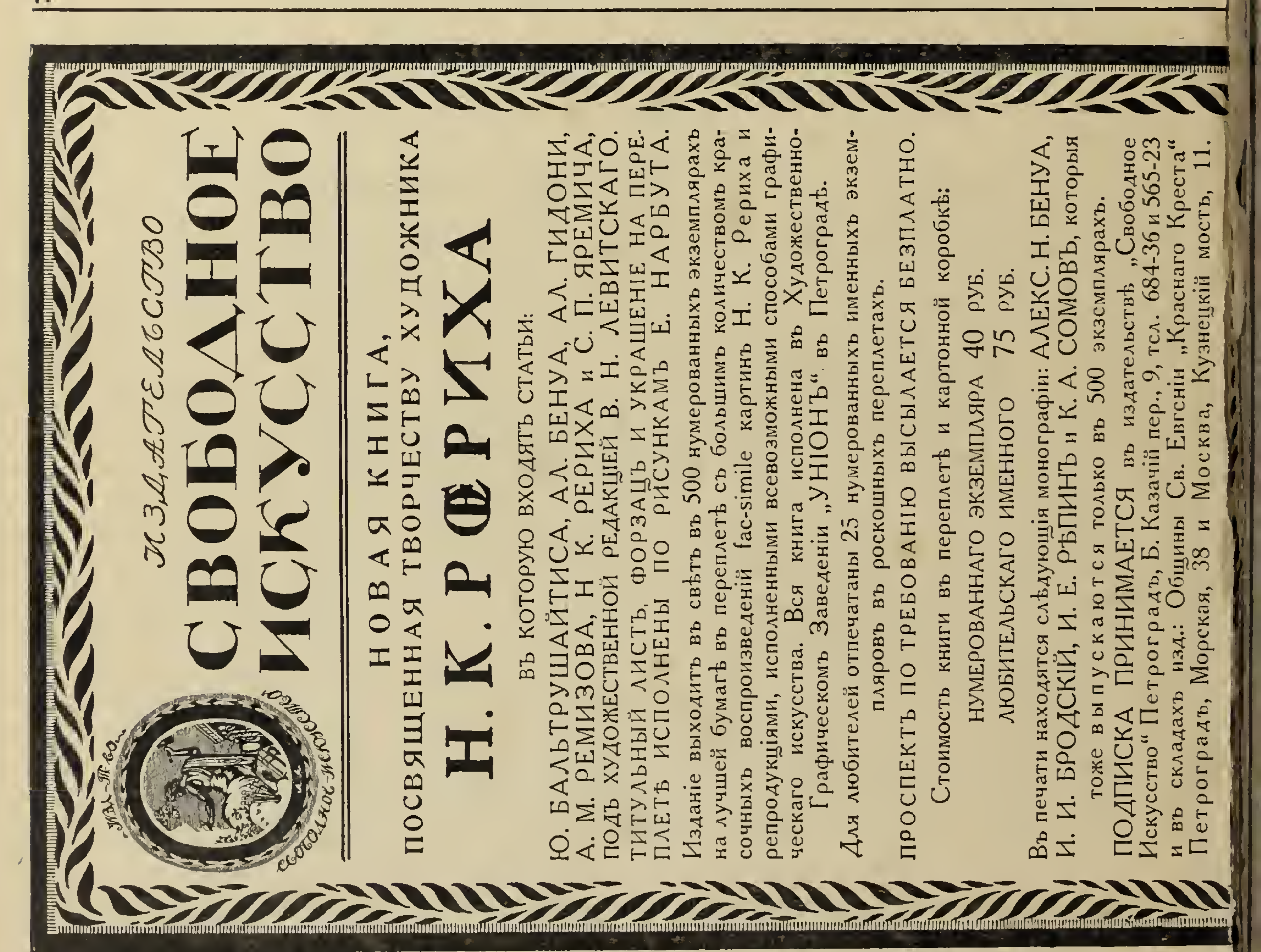
3) **Живописцы Испаніи.** Съ 50 воспроизведеніями съ картинъ Моралеса, Эль-Греко, Роэляса, Сурбарана, Риберы, Веласкеса, Мурильо, Вальдесъ Леаля, Гойи и др.

4) **„Пути Живописца"** серія выпусковъ, посвященныхъ творчеству современныхъ русскихъ художниковъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Контора „Новаго Журнала для Всѣхъ".

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3.

Изд-тво Свободное искусство
Издательство
СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО
НОВАЯ КНИГА,
ПОСВЯЩЕННАЯ ТВОРЧЕСТВУ ХУДОЖНИКА
Н. К. РЕРИХА
ВЪ КОТОРУЮ ВХОДЯТЪ СТАТЬИ:
Ю. БАЛЬТРУШАЙТИСА, АЛ. БЕНУА, АЛ. ГИДОНИ, А. М. РЕМИЗОВА, Н. К. РЕРИХА и С. П. ЯРЕМИЧА, ПОДЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕДАКЦІЕЙ В. Н. ЛЕВИТСКАГО.
ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ, ФОРЗАЦЪ И УКРАШЕНІЕ НА ПЕРЕПЛЕТѢ ИСПОЛНЕНЫ ПО РИСУНКАМЪ Е. НАРБУТА.
Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ на лучшей бумагѣ въ переплетѣ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній fac-simile картинъ Н. К. Рериха и репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искусства. Вся книга исполнена въ Художественно-Графическомъ Заведеніи „УНІОНЪ“ въ Петроградѣ.
Для любителей отпечатаны 25 нумерованныхъ именныхъ экземпляровъ въ роскошныхъ переплетахъ.
ПРОСПЕКТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.
Стоимость книги въ переплетѣ и картонной коробкѣ:
НУМЕРОВАННАГО ЭКЗЕМПЛЯРА 40 РУБ.
ЛЮБИТЕЛЬСКАГО ИМЕННОГО 75 РУБ.
Въ печати находятся слѣдующія монографіи: АЛЕКС. Н. БЕНУА, И. И. БРОДСКІЙ, И. Е. РѢПИНЪ и К. А. СОМОВЪ, которыя тоже выпускаются только въ 500 экземплярахъ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ издательствѣ „Свободное Искусство“ Петроградъ, Б. Казачій пер., 9, тел. 684-36 и 565-23 и въ складахъ изд.: Общины Св. Евгеніи „Краснаго Креста“ Петроградъ, Морская, 38 и Москва, Кузнецкій мостъ, 11.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тип. Т-ва „Нашъ